

ВЕЛИЧИЕ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ ЕРЕМЕЯ АЙПИНА

М. М. Рябий

Публицистика Еремея Айпина интересна тем же, чем и его проза, которую невозможно уложить в рациональную схему: настолько присуща ей глубина, не поддающаяся прямолинейной расшифровке. Айпин – коренной житель Севера, его хантыйского сообщества, человек, принадлежащий роду Бобра, а потому невольно стремящийся понятием «родственности» охватить положительных героев и персонажей своих литературных и публицистических произведений. Люди эти – не вымышленные, а встреченные им на жизненном пути. Писатель не скрывает этого – на некоторых из них ссылается, как на рассказчиков, например, Алексея Разбойникова или Ивана Сопочина; других подразумевает, не называя имен. Зато зло, представленное в его творчестве различными образами, обычно не имеет конкретного адреса, поскольку представлено как противоборство человеческой «родственности». В произведениях оно обычно заявлено не сразу, а неким предчувствием, необъяснимой тревогой и одновременно роковой неизбежностью. Один из любимых айпиновских образов – образ княжны. Рассказ, написанный осенью 1993 года в Норвегии, не случайно получил символическое название – «Моя княжна» и подзаголовок – «Осенняя грусть». О героине писатель сообщает две подробности: характеризует ее «имя», подразумевая прежде всего благородную родословную, и женственность в умении грациозно держаться, вести разговор, очаровывать мужчин... Если внимательно присмотреться к другим рассказам писателя, то образ «княжны» проглядывает практически во всех героинях. В одном из первых лирических рассказов о «неслучившемся» «Осень в твоём городе» рассказчик наслаждается изумительным голосом своей избранницы: «Я слушал как сказку, как песню, как симфонию. Я улавливал в очарывающей музыке Твоих слов и вздохи ласкового моря, и шелест осенних листьев в прибрежном лесу, и серебряный звон таежного родника» [1: 12]. Одна из главных функций образов героинь в лирических повествованиях автора и публицистике – перенос рассказчика в иное пространство. Что подразумевается под словом «иное»? В новелле «Осень в твоём городе» – это «совершенно другой мир», «другое измерение», «неземное пространство» [1: 12]; в «Моей княжне» – «центр Вселенной», «душа» рассказчика – «слово», «слух», «глаза» (1, 27, 28); в «Окопах, или явление Екатерины Великой» – это «мирный лес, мирная вода, мирное небо», «это было самое бесконечно длинное мгновение моей жизни», «в этом была вся моя разумная жизнь...» [1: 174]. Герой рассказа «Парижанка» после прощания с героиней также фиксирует: «со мной что-то происходит» [1: 198]. Что же, действительно, происходит с героем? В нем просыпается родовая память, которую пытается подавить современная, враждебная человеку, эпоха. Вместе с памятью просыпается личность, готовая соблюдать законы чести, мужества, доброты, искренности. Душа рассказчика и героя не хочет подчиниться лживому и несправедливому обществу. Герои и героини Айпина – одни против всего мира, их любовь или влюбленность – прохладный, родниковый оазис посреди жаркой пустыни. Но и любовь – лишь временное спасение в трагическом мире. Человек остается один. Мир живой природы у Айпина существует не в гармонии, а в противопоставленности обществу, построившему цивилизацию на ложных идеалах. По этой причине мир городской природы – враждебен герою, ибо он порожден ею. Единство с природой при разобщенности с обществом – характерная черта в рассказе «Лебединая песня». Об изменениях в сознании героини Марины – городской девушки, впервые увидевшей на воле лебедей, писатель поведал читателю с помощью особого символа – лебединой песни: «Песня бесжалостно пробивалась к ней, звала далеко-далеко, в неведомую страну. Избушка вдруг поплыла, накренилась, будто корабль в сильный шторм. Девушка обхватила голову руками и зажмурилась до боли в глазах» [1: 148].

Однако не только лирическая проза Еремея Айпина демонстрирует пустоту и автоматизм существования человека в цивилизованном мире. В публикации «К величию великой княжны» («Литературная Россия», 17 мая, 2002) Айпин-публицист центр повествования подчиняет документальному образу старшей дочери последнего российского самодержца Николая II. Великая княжна Ольга олицетворяет в айпиновской публицистике так же, как и в прозе, бессмертный женский образ всепрощения, жертвенности и вечной женственности на полюсе совести и высокой нравственности и, в конечном счете, духовности России. Не случайно автор прежде дает слово самой героине: ее стихотворению «Молитва», написанному накануне расстрела царской семьи – «Пошли нам, Господи. Терпенья...», а затем пытается передать психологическое состояние своей героини под дулами оружия цареубийц: «Она подняла взор на палача. И увидела ту незримую и непрístupную линию, которая отделяла ее от безжалостных разрушителей Российской Империи, разрушителей жизни, преступным путем захвативших власть. Эта была полоса, разделившая мир на две неравные части. Она всем своим существом ощущала эту линию. И знала, что в самую критическую минуту, шагнув к этой линии, она сможет спасти своих близких, себя, Россию» [2: 11]. Женское, жертвенное начало героини, по мысли публициста, существует не само по себе в замкнутом круге: Айпин верит, что в мире ничего не бывает просто так: «Боль о безвинно убиенных будет жить в россиянах до того дня, пока Россия не вернется на тот круг, на ту орбиту, с которой сошла за год до кровавого Цареубийства. Ибо тяжело жить в стране, имеющей клеймо страны-детоубийцы, страны-цареубийцы.

Это всеобщая наша боль. Это моя боль. Это твоя боль» [2: 11].

Еремей Айпин – русскоязычный писатель и публицист свое внимание сконцентрировал на познании национальных взаимоотношений коренных народов Севера не только евразийского, но и американского континента.

Интерес к иному социальному и культурному опыту, стремление к пониманию и объяснению особенностей деятельности и поведения представителей других этнических групп для него имеет значение, как познание собственной культуры. Обращение к тематике национальных отношений здесь не случайно, поскольку оно необходимо для полноты творческого отражения мира, где чувства гордости и боли за культуру своего народа также неотделимы и являются частью диалога между различными национальностями и самой цивилизацией. Пережить незнакомую культуру – значит разделить её сердцем через открытие. Не трагическая тема поругания природы Сибири и хантыйского народа, в большей степени интересует писателя, а выход из возникшей ситуации, который он находит также осмыслении женских образов, что можно встретить в его публицистической деятельности. Его очерки «В гостях у Танцующего Духа Солнечной Земли», «Во льдах Нунавута» вырастают из попытки взаимного признания, симпатии и диалога между разными национальными культурами народов близких ханты, манси и ненцам, что сумели более успешно встроиться в западную цивилизацию в отличие от их российских собратьев. Для Айпина, как это видно из его очерковых материалов, пережить незнакомую культуру – значит взять её в сердце. Его сердечные открытия просто удивительны на фоне итога, что ему самому пришлось испытать на своей родине. Представитель послевоенного поколения, провинциально влачивший до 1970-х годов существование вдалеке от культурных центров, он толком не знал русского языка, который ему пришлось осваивать в московском Литературном институте, отсюда, возможно, неповторимость его художественного стиля и манеры изложения. Если добавить к этому последовавший слом советской системы, в которой, как публицист и писатель, он начал делать первые шаги, и переход к другой – коррумпированно-капиталистической, с ее новыми технологиями манипулирования сознанием, то не каждая личность может выстоять и не надломиться... Айпин смог. Его миссия в литературе и публицистике – обращение к новому опыту либо через забытое старое, либо исходя из передового опыта человечества. И там, и здесь он утверждает идею родственности на земле, пытаясь увязать традиционный уклад в рамках цивилизации. Еремей Данилович как писатель и публицист, – представитель второго поколения интеллигенции народа ханты в ее новой генерации, творчество его характеризуется не только

«вживанием» и вчувствованием» в мир культуры своего и русского народов, но в постижение культурных кодов чужих культур. Давно не является секретом то, что чужая культура в глазах другой культуры раскрывается полнее и глубже, в своем диалоге они не сливаются и не смешиваются, но сохраняя свое единство и целостность, еще и взаимообогащаются. Поэтому опыт Айпина в этнической журналистике носит двойственный характер, с одной стороны, он обращается к тематике межэтнического взаимодействия, особенностям жизни и культуры других народов, а с другой, хотя и является русскоязычным писателем, многие явления в публицистике рассматривает с точки зрения представителя коренных народов Севера. Пример этому можно встретить буквально с первых страниц его очерка «В гостях у Танцующего Духа Солнечной Земли». Путевые заметки о посещении американских индейцев предваряются примечательным эпизодом: «Я сказал, что приехал из Ханты-Мансийска. Девушки еще больше оживились и сообщили мне, что знают город, где я живу. Что Ханты-Мансийск просто красивый и великолепный город. Сразу же встал второй вопрос: откуда они знают Ханты-Мансийск? Для меня Санта-Фе – глубинка, это очень далеко от моего округа. Только на самолете нужно лететь в общей сложности чуть меньше двадцати часов. Точнее, около восемнадцати. Неужели слава Ханты-Мансийска дошла и до американского континента? И каждая студентка знает, где находится этот город и чем знаменит Ханты-Мансийский автономный округ? Какой вклад внесли в сокровищницу мировой культуры его коренные народы ханты и манси? Но еще больше озадачила меня фраза Тани о том, что она хотела бы пройти стажировку в Югорском государственном университете. Что, и про ЮГУ уже знают на американском континенте?! Ведь университет только становится на ноги [3: 6]. Так очеркист представляет свою встречу с двумя молодыми американками Ланой и Таней. Интрига, закрученная в начале повествования, раскручивается в его конце и позволяет благодаря этому держать читателя в напряжении развязки. Однако для меня, исследователя айпиновской публицистики, важнее оба свойства Айпина-публициста – что для него как представителя малого народа представляют духовные технологии коренных жителей Северной Америки – другой культуры?

Вот и первое открытие: «Мы выяснили, что у апачей, как и у ханты и манси, также остро стоит вопрос сохранения и развития родного языка. Так вот: здесь родной и английский языки в начальных классах изучаются в равных количествах часов. 50 на 50 процентов. Урок длится 30 минут. В этой связи я с горечью вспомнил, что у нас в округе в национальных школах родному языку отведен один или два урока в неделю. Или вообще предлагается изучать родной язык факультативно. На это сетуют многие учителя родных языков в селах и деревнях автономного округа. При этом Департамент образования и науки всегда разводит руками: мол, общеобразовательный федеральный стандарт нам не позволяет... Хотя этот пресловутый стандарт позволяет все это делать национальным республикам в составе России. А ведь по Конституции мы являемся равноправными субъектами Федерации. Тут все завязано на личностном, человеческом факторе. Если нет кровной заинтересованности в сохранении родного языка – чиновник ничего не сделает и не будет делать. Марию Кузьминичну Волдину-Вагатову как поэтессу и в прошлом учителя заинтересовала литература в школе: что читают дети апачей, чьи произведения изучают [3: 9–10].

Второе, как и первое, сравнение оказались также не в пользу России: «Полдня мы провели в Нью-Мексиканском историческом музее, где нам подготовили целую программу по истории и современности штата. Много внимания здесь уделяется развитию народных промыслов, народного творчества и искусства. В отличие от нашей страны здесь все, что связано с народным творчеством, классифицируется как искусство. А искусство есть искусство. Это вершина в творчестве художника, недостижимая для простых смертных высота. Музей проводит ежегодные Международные выставки-ярмарки изделий из серебра, полудрагоценных камней, дерева, кожи и так далее. Потом нас провели по Порталу, где авторы продают свои художественные работы. Руководители музея проявили большой интерес к нашим международным конференциям, фестивалям, конкурсам, соревнованиям по биатлону, куда они

изъявили желание приехать со своей вы ставкой самобытного творчества индейцев юга США. Мы только рады будем новой встрече. Художник здесь на большой высоте» [3: 31].

В главке очерка «Муза Дженнифер Форстер» публицист Айпин возвращается к своей любимой теме – женскому образу, но уже представительницы другого народа, который им по-своему «героизируется». Но все по порядку. В библиотеке института американского индейского искусства в городке Санта-Фе он знакомится с индианкой. «Тут к нам подошла черноволосая стройная девушка и сказала, что хочет познакомиться с писателями, которые приехали в составе группы гостей в их институт. О них она узнала из программы встречи. Ольга Балалаева ей представила нас с Марией Вагатовой. Так мы встретились с первой поэтессой во время нашей поездки. Выяснилось, что Дженнифер относится к известному 70-тысячному индейскому народу кри, который живет в Канаде в провинциях Онтарио, Манитоба, Саскачеван и Альберта. Училась она в США, в штате Пенсильвания. Потом пришлось много поездить по разным странам, поскольку отец у нее дипломат. После школы заинтересовалась своими индейскими корнями, их древней культурой и фольклором. Поступила в этот институт, закончила факультет литературы и поэзии и осталась здесь преподавателем. Но она совсем не была похожа на типичную индианку. Скорее, в ней угадывались все характерные черты средиземноморских южанок, ведущих свою родословную от выходцев из Италии или Испании. Длинные, ниспадающие на плечи черные прямые волосы, чуть удлиненное лицо с мягкими овальными линиями, прямой нос, сбоку напоминающий классический римский профиль, но более мягкий, более женственный. Черные удлиненные брови и огромные глаза, наполненные непроницаемой тьмой южной ночи. Глаза томные, таинственные. Но никогда не знаешь, что в них таится. Нежность или необузданная страсть, любовь или ненависть? Телом стройные и гибкие, как русалки. Пожалуй, образ типичной южанки создала Элизабет Тейлор в роли египетской царицы Клеопатры в одноименном американском фильме. Видно, и у предков Дженнифер по одной из родительских линий были в прошлом родственные связи со Средиземноморьем. Возможно, с Италией» [3: 36].

В главе о приеме, оказанном делегации из Ханты-Мансийска, центральное место занимает старый знакомый Айпина Скотт Момадей, индейский писатель: «Со Скоттом Момадем мы впервые встретились в июне 1998 года в Ханты-Мансийске. А заочно познакомились, конечно, намного раньше. Сначала по книгам. Его прежде всего поразило сходство наших народов, их мироощущение и миропонимание, их менталитет. В моем романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» он нашел эпизод, где герой-ханты на войне вступает в единоборство с вражеским танком с единственной мыслью, что, победив, спасет не только своих ближних, свой народ, но и все человечество. И это придает ему силы. Точно такая же картина есть и в романе Момадея «Дом, из рассвета сотворенный» (вышел на русском языке в 1978 году). Его герой-индеец с такими же мыслями и стремлением к победе пошел на танк, что и мой сородич. Значит, у наших народов очень много общего. И поэтому, постигая культуру одного народа, мы постигаем культуру и другого народа. Значит, хотя нас и разделяет бескрайний океан, хотя мы и живем на разных континентах, но по духу и образу жизни очень близки» [3: 49].

Этот небольшой фрагмент, где речь заходит о сходстве писательских мироощущений и менталитетов в спасении своих ближних, своего народа и человечества, нельзя рассматривать отдельно от образа Дженнифер Форстер: «Я вполглаза поглядывал на Дженнифер, которая что-то писала в блокнотике. Глядя на нее, я вспомнил один из самых пронзительных и драматичных рассказов Джека Лондона под названием «Мужество женщины». Аляска. Река Маккензи. Жестокий мороз. Глубокие снега. Мучительный голод. И могучая любовь индейской девушки Пассук... Я смотрел на Дженнифер и думал про героиню Джека Лондона» [3: 37]. Как видим, очеркист романтизирует образ своих героинь не только описанием портретов, но и с помощью американской классики. Я знаю, что одним из любимых писателей Еремея Даниловича является Джек Лондон, в своих выступлениях перед читательской аудиторией он часто ссылается на произведения этого романтика американского Севера. Вот и образ его новой героини порождает литературные ассоциации: индейская девушка Пассук Джека Лондона, о которой не раз с восхищением рассказывал мне Еремей Айпин аукается в

образе индианки Дженнифер, а та в свою очередь – в образах «великих» женских героинь лирических рассказов писателя – и в конечном итоге в образе «княжны», моей «княжны», как определяет его сам автор. Но если в главном женском образе путевых заметок Дженнифер круг замкнулся, то в других обычных женских персонажах читателю дан простор для воображения. Например, когда речь заходит о знакомой еще по Ханты-Мансийску индианке из племени пуэбло Тиффани Ловато, автор на первый план выводит мягкую чувственность героини: «Она типичная черноволосая и черноглазая индианка с мягкими округлыми формами. И очень жизнерадостная. На нее приятно смотреть. Хотя она немногословна, как все индейцы, но впечатление такое, что она все время говорит, о чем-то рассказывает. Настолько у нее живые глаза, подвижная мимика лица, выразительные движения рук, головы и всей фигуры. Внешне она напоминает мопассановскую Пышку, но только в юном возрасте» [3: 41].

В финале очерка вновь появляются женские образы, с которыми читатель встречался еще в начале повествования: «Итак, мы сидим втроем с Таней и Ланой. Я все гадаю: откуда они все знают про мой округ, про мою землю. И вдруг вижу: к нашему столику направляется Сьюзен Скарберри-Гарсия, литературовед, доктор искусствоведения, биограф Скотта Момадея. Я прекрасно ее знаю. Она неоднократно бывала в России, в нашем округе и с Момадеем, и без него. Она, улыбаясь, подходит к нам и говорит мне: – Знакомьтесь: это мои дочери Таня и Лана...

<...> Сьюзен, откуда Таня и Лана так хорошо знают наш Ханты-Мансийск? – поинтересовался я. Она лукаво усмехнулась, потом сказала девушкам: – Покажите. Девушки развернули комплект фотографий размером с карточную колоду. Мы с интересом стали рассматривать эти снимки. Там почти весь наш округ, все путешествие Сьюзен в наш край. С кем встречалась, где побывала, что произвело на нее наибольшее впечатление. Теперь мне стало понятно, откуда Таня и Лана почти все знают о моей земле. Они мамиными глазами смотрят на мир. Они маминым сердцем познают жизнь. Конечно, это весьма похвально» [3: 50–51]. Здесь публицистом запечатлен процесс «обратной связи» в освоении культур, поскольку благое начинание всегда в ответ рождает не менее благой отклик.

Что сказать в заключение нашего исследования женских образов в публицистике и лирической прозе Еремея Айпина? Как художник он силен не только своим мастерством, но и умением складывать свои художественные образы в единое целое. Они не поддаются влиянию политического ангажирования, не укладываются в традиционные схемы. Автор находится в постоянном «лирическом» поиске. Высокий уровень, который, несомненно, задается им и в публицистике, помогает созданию нового откровения в познании чужой культуры и благодаря этому обогащению своей. Тем и ценен опыт публициста Айпина, сумевшего ответить на один из важнейших вопросов современности, как соотносятся понятия «свой» и «чужой» в этнологической культуре. В ответе Айпина не только этическая составляющая, но четкая гражданская позиция, основанная на устойчивой системе ценностей, главная из которых – художественная правда: «И, покидая эту древнюю и ставшую близкой мне землю, я снова задал себе вопрос: какая же она, моя Америка? И ответ пришел сам собой: прекрасная Америка. Я, как Христофор Колумб, открыл свою Америку. Это моя безумно прекрасная Америка. С верными друзьями, с Солнечной Землей, с Танцующими Духами. Со звучащими, как песня, магическими названиями реки Рио-Гранде, горы Сьерра-Бланка, каньона Дэ Шей... Я много думал об этом великом континенте и о его великих коренных народах, об индейцах. И у меня сложился свой образ индейца» [3: 53].

Во втором очерке писателя «Во льдах Нунавута» прослеживается мысль о том, что все народы земли тем и ценны для человеческой цивилизации, что не похожи друг на друга. Однако для гражданского сознания публициста Айпина одной этой благодатной мысли мало, его волнуют и большие вопросы: «Почему коренные народы Севера России так бедны и несчастны по сравнению с их канадскими братьями?! Возьмем хотя бы ненцев и ханты. Это Ямал и Югра. Разве можно сопоставить объемы добываемых здесь газа и нефти с весьма скромными ресурсами Канадского Севера?! Да это и в голову никому не придет. Потому что цифры несопоставимые. Почему же мы на богатейшем Российском Севере не можем решить

ни одну проблему? В ряде районов просто-напросто голодают в условиях экономического кризиса. Наши народы сами себе не могут помочь, и правительство России бессильно... В чем все-таки дело? Многое мне стало понятно к концу путешествия. Ответ стал напрашиваться сам собой...» [4: 9–10].

Исследование гражданской позиции в публицистике писателя Еремея Айпина – уже несколько иная история, но от этого не менее важная. Думается, что она станет темой для серьезного, бескомпромиссного разговора исследователей в самом ближайшем будущем.

Литература

1. Айпин, Е. Д. Река-в-январе [Текст] / Е. Д. Айпин. – СПб., 2007. – 208 с.
2. Газета «Литературная Россия». – 17.05.2002.
3. Материалы по вопросам защиты прав и интересов коренных малочисленных народов: В гостях у Танцующего Духа Солнечной Земли: Сборник № 1 [Текст] / Е. Д. Айпин ; ред.-сост. Т. В. Нагибина. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2006. – 56 с.
4. Материалы по вопросам защиты прав и интересов коренных малочисленных народов: Во льдах Нунавута: Сборник № 2 [Текст] / Е. Д. Айпин ; ред.-сост. Т. В. Нагибина. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2006. – 24 с.